

лантъ), больше всѣхъ получалъ одобреній отъ людей царствующаго ученія...» А между тѣмъ, карая себя лично за все это, онъ считаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшеніе вопроса, которое онъ нашелъ *для себя*, пригоднымъ и для всѣхъ, считаетъ возможнымъ, игнорируя реальную жизнь и ея требованія, отвѣчать даже неискушенному еще жизнью «молодому человѣку», отвѣчать на его вопросъ «что дѣлать»?— то, что ему самому могла продиктовать лишь потребность «искупленія», а именно: «покаянія, т. е. выварить изъ себя остатки ложнаго мнѣнія о значеніи своего образованія и своихъ талантовъ.» Гр. Толстой думаетъ, что если для него самого вопросъ «что дѣлать, чтобы быть полезнымъ»? есть не болѣе какъ вопросъ «покаянія въ лучшихъ его годахъ, проведенныхъ въ праздныхъ и развѣщающихъ душу занятіяхъ», то, слѣдовательно, и для другихъ, и для *всѣхъ*, вопросъ этотъ непременно долженъ представляться и формулироваться именно въ такой редакци и что виною той «гордости своимъ образованіемъ», которая затемняетъ истинный смыслъ вопроса «что мнѣ дѣлать, чтобы и т. д.», должно быть это образованіе, а не *я самъ*, неумѣющій этически отнестись къ обязанностямъ, вытекающимъ изъ моего образованія. «Я слышу часто вопросы хорошихъ молодыхъ людей, сочувствующихъ отрицательной части моего писанія и спрашивающихъ: ну, такъ что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать мнѣ, кончившему курсъ въ Университетѣ, для того, чтобы быть полезнымъ?» Если спрашивающіе такъ, дѣйствительно, «хорошіе» молодые люди, то не можетъ же быть, чтобы они задавали этотъ вопросъ на вѣтеръ, изъ празднаго любопытства или желанія просто потревожить проповѣдника въ его «кельѣ подъ елью» и *на самомъ дѣлѣ* не желали бы «быть полезными». На такой почвѣ, казалось бы, легче всего было бы гр. Толстому сѣять сѣмена истинно этическихъ на-